

Максим Бессонов

Родился в 1988 году в Белгородской области. Окончил филологический факультет БелГУ. Автор сборников стихов «Душа в разрезе», «Прозрение» и «Часовой». Девять лет проработал учителем русского языка и литературы. Создатель и соруководитель литературной студии «Пробел». Стихотворения публиковались в журналах «Кольцо А», «Формаслов», «Юность» и др. Лауреат Международной «Славянской поэтической премии» (2014). Обладатель Специального диплома в номинации «Поэзия» Международной молодёжной премии «Восхождение» (2021).

Не обессудь. Сознайся и смирись.
Короткий воздух. Тишина кривая.
Тяжёлый снег, как непромытый рис,
Лежит под серым лесом и не тает.

Ты что-то знаешь, небо над рекой.
Разводишь молча пленными руками.
И музыки не надо никакой —
И так ни на минуту не смолкает.

Про жизнь и муку что-то я просёк.
Намного чётче слух и глуше зренье.
Течёт по венам первобытный сок.
И пахнет кровью двор до одуренья.

Нелегко с ландшафтом этим слиться.
Человек-тревога, пустозвон.
Перепутал с вертолётom птицу
И запечатлел на телефон.

Серый день. Оградки позолота.
Здесь ушедших больше, чем живых.
Перепутал птицу с вертолётom.
И опять подумал о своих.

Перепутал, не узнал, не вспомнил.
Шёл домой, а вышел на погост.
Поле невозможное и пожни.
Больше ничего. И небо в рост.

Вот-вот и лопнет небо, а пока
я всматриваюсь в белый потолок.
И нет пощады мне от потолка,
и мысли нет забиться в уголок.

Не по себе, когда звучит арта,
когда летит и оставляет след.
Но смерти не случится никогда,
всё потому, что в жизни смерти нет.

Я жизнь прожил, ругаясь и браня
весь белый свет, не думая о том,
что за меня, конкретно за меня,
хлопочут парни каждым божьим днём,
пока я изучаю потолок,
пока растёт мой сын не по годам.

Я никогда не буду одинок.
И вы не одиноки никогда.

С чего ты взял? Ведь ты с чего-то взял,
Что никогда не скатишься в такое?
Как будто что-то глупое сказал
И тут же расписался в протоколе.

Слепой и неоправданный протест
Вдруг вспомнишь, и проступит в полудымке
На куполе церквушки мирный крест,
И небо с птицей пролетят в обнимку.

При чём тут я? Вот родина и дом.
Но кто, зачем мне в голову втемяшил
Уверенность безропотную в том,
Что мир хорош и побеждают наши?

Посмотри: как ни в чём не бывало.
Будто снится (читай: понарошку)
В изобилии мясо и сало.
Хоть надежда одна — на картошку.

Но сейчас не об этом, братишка:
сомневаюсь. И в этом проблема.
Слишком быстро и точно слишком
мир скопирован в буфер обмена.

И, ничтоже сумняшеся, вспомню
я про золото, ладан и смирну.
И пойду, как по минному полю,
по такому недолгому миру.

Ладонью подбородок подперев,
на суету обычную взираю.
Что делать дальше, я пока не знаю,
но остро чую пятой точкой блеф:

и стадион, и куст, и гаражи,
сосед, который молится стакану, —
преобразятся, миг ещё — и канут
в забытый сон.
Мгновенье, поспеши.

С пейзажем за окном мне повезло.
Упала цифра за тепло в платёжке.
Не дай мне, Боже, утопиться в ложке.
Россия. Март. Какое-то число.

Но ни к чему здесь, в бреду сермяжном,
не понимая, где верх, где низ,
пенять на то, что и я однажды
вдруг всем нутром осознаю жизнь,

как только между тобой и ложью
вдруг брызнет небо и бросит в дрожь,
я попытаюсь и подытожу.
Но что итоги? — Цена им грош.

На том и баста. Берите выше.
Я был и не был. Я там и здесь.
И не ушёл я — за хлебом вышел.
И слава Богу, не вышел весь.

Бетонка упирается в лесок.
Лысеет седовласый одуванчик.
Полынь ударит горечью в висок.
С опаской поглядит из грядки дачник,

Пока я мимо буду проходить,
Цепляя репяхи и паутину.
Вернусь домой, и, очень может быть,
меня там вспомнят, блудную скотину.

Я теперь никогда не устану.
Отфильтрованный воздух вдохну:
буду ждать, но уже не застану
никакую другую страну.

Буду верить в бессмертие павших
без царя в голове при царе.
Да ещё в плодородие пашни,
если снега полно в январе.

И потом я по-прежнему буду
пить и есть, говорить и молчать,
и судьбу-одиночку, прибуду,
я признаю за крёстную мать.

Я не знаю, что будет в финале,
но шумит у подъезда шпана,
умножаются кошки в подвале,
и черемухой сыплет весна.

Вокруг меня чугунная ограда.
Со мной всё чаще говорят на «вы».
Несут цветы, которых мне не надо, —
они растут у ног и головы.

Деревья надо мною крючковаты.
Внутри ограды мир предельно прост.
Плывут по небу клочья белой ваты,
предвосхищая мой карьерный рост.

Смиренны молчаливые соседи.
Да я и сам спокоен, как удав.
И на ограде аз и буки-веди
Сидят, ещё из виду не пропав.

Я помню всё, что было не со мною,
и говорю на странном языке,
порыву ветра гулким эхом вторю,
как тихой песне где-то вдалеке.

История войны на обороте
невзрачной пачки чая «Краснодарский».
Реклама тоже в некотором роде —
история. Райончик пролетарский
посёлка полугородского типа,
где тыкают в лицо, но чаще — в спину.
Сейчас сирень цветёт. В июне — липа.
Всё органично. Тихо. Чин по чину.

Но кажется: весь мир — дыра сквозная,
когда ветра гуляют по площадке
и дети в шапках в середине мая
(им вообще, мне кажется, несладко
в посёлке полугородского типа).
Пойдем в «Магнит», на чай и кофе — скидки.
История страны — сирень и липа.
Парадоксального у нас всегда в избытке.

Заварим чай, на пачке прочитаем
о том, чего нигде мы не узнаем.

Посадки вдоль дороги. Буераки.
В пустой колодец смотрит журавель.
Что полстраны для бешеной собаки?
Пойдём со мной за тридевять земель:

все тут как тут, и нам теперь всё можно.
Договоримся. Каждый в этом спец.
Работает небесная таможня.
И на руках билет в один конец.